

Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции

Шамионов Р.М.

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
(ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Цель. Изучение приверженности к социальной активности и ее различным формам в отношении с характеристикой склонности к риску у студентов с разным типом субъектной регуляции (СР) поведения.

Контекст и актуальность. В статье анализируется проблема социальной активности студентов как сферы их социализации и установления связей с различными социальными группами и обществом в целом. Одной из важнейших ее составляющих является вопрос о субъектной регуляции социальной активности. Предполагается, что в зависимости от типа субъектной регуляции (автономного или зависимого) студенты предпочитают различные формы социальной активности, реализуют социально-ориентированную активность и проявляют специфику склонности к риску.

Дизайн исследования. В работе проанализированы уровневые показатели приверженности к разным формам социальной активности студентов в зависимости от типа их субъектной регуляции; проведен типологический анализ склонности к риску и переживания неопределенности у студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции; проверена гипотеза о прямых и косвенных эффектах влияния автономии на общую и социально-ориентированную активность с помощью структурного моделирования.

Участники. В исследовании приняли участие 297 студентов дневной формы обучения вузов г. Саратова (36% мужчин), средний возраст $M=21$; $SD=2,74$.

Методы (инструменты). Шкалы оценки различных форм социальной активности, переживания неопределенности с размерностью от 1 до 5, методика оценки компонентов и обобщенного показателя социально-ориентированной активности (Р.М. Шамионов, М.В. Григорьева), опросник «автономности-зависимости» (Г.С. Прыгин), опросник склонности к экстремально-рискованному поведению (М. Цуккерман).

Результаты. Студенты с автономным типом субъектной регуляции более привержены к досуговой, социально-политической, гражданской активности, с зависимым типом — к протестной активности. Социально-ориентированная активность более привлекает студентов с автономным типом субъектной регуляции. Студенты с автономным типом регуляции характеризуются более высокими показателями неадаптивного стремления к трудностям, с зависимым типом — поиска новых впечатлений и переживания неопределенности. Тип субъектной регуляции оказывает прямое влияние на вариации социально-ориентированной активности, а склонность к риску является медиатором причинной связи автономности с социально-ориентированной активностью, а также возраста с общей активностью студентов.

Основные выводы. Студенты с автономным и зависимым типами субъектной регуляции характеризуются спецификой в приверженности к различным формам активности и в отношении к риску. Установлена причинная связь субъектной регуляции с социально-ориентированной активностью.

Ключевые слова: личность, субъект, социальная активность, студенты, молодежь, тип субъектной регуляции, автономия, зависимость, склонность к риску.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00298.

Для цитаты: Шамионов Р.М. Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 94–112. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107>

Social Activity and Risk Propensity of Students with Autonomous and Dependent Types of Subject Regulation

Rail M. Shamionov

Saratov State University (SSU), Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, **e-mail:** shamionov@mail.ru

Objectives. *The study the commitment to social activity and its various forms in relation to the risk propensity characteristics of students with different types of subject regulation of behavior.*

Background. *The problem of social activity of students as a sphere of their socialization and establishing connections with various social groups and society as a whole is analyzes. One of its most important components is the question of the subject regulation of social activity. It is assumed that depending on the type of subject regulation (Autonomous or Dependent), students prefer various forms of social activity, implement socially-oriented activity, and show the specifics of risk-taking.*

Study design. *The paper analyzes the level indicators of adherence to different forms of social activity of students, depending on the type of their subject regulation; a typological analysis of risk propensity and uncertainty experiences in students with Autonomous and dependent types of subject regulation; the hypothesis of direct and indirect effects of autonomy on General and socially-oriented activity using structural modeling.*

Participants. *The study involved 297 full-time students (36% men), average age $M=21$; $SD=2.74$.*

Measurements. *The scale for the assessment of various forms of social activity, feelings of uncertainty with a dimension of from 1 to 5, the method of evaluating component and composite index of socio-oriented activity (R.M. Shamionov, M.V. Grigorieva), a questionnaire of autonomy-dependence (G.S. Prygin), a questionnaire of tendency to extreme and risky behavior (M. Zuckerman).*

Results. *Students with an Autonomous type of subject regulation are more committed to leisure, socio-political, and civic activity, while students with a dependent type are more committed to protest activity. Socially-oriented activity is more attractive to students with an Autonomous type of subject regulation. Students with an Autonomous type of regulation are characterized by higher indicators of non-adaptive striving for difficulties, with a Dependent type-indicators of searching for new impressions and experiencing uncertainty. The continuous indicator of (Autonomous) subject regulation has a direct impact on variations in socially-oriented activity, and indicators of risk propensity are moderators of a direct causal relationship, respectively, of autonomy to socially-oriented activity and age to the overall activity of students.*

Conclusions. *Students with Autonomous and Dependent types of subject regulation are characterized by specificity in their commitment to various forms of activity and their attitude to risk. The causal relationship of subject regulation on variations of socially-oriented activity is established.*

Keywords: *personality, subject, social activity, students, youth, type of subject regulation, autonomy, dependence, risk taking.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 18-18-00298.

For citation: Shamionov R.M. Social Activity and Risk Propensity of Students with Autonomous and Dependent Types of Subject Regulation. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 94–112. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107> (In Russ.).

Введение

Изучение социальной активности и склонности к риску студентов с разным типом субъектной регуляции относится к числу задач социальной психологии, решение которых позволит раскрыть важнейшие регуляторы социального поведения личности, что в значительной степени будет способствовать пониманию его (поведения) оснований, механизмов и факторов. Кроме того, решение этой задачи имеет смысл и с прикладной точки зрения, — с позиции привлечения молодежи к социально-конгруэнтной активности, проявляющейся в волонтерском движении, гражданском поведении, социально-ориентированной активности в целом.

Социальная активность личности и группы понимается как частный случай инициативного воздействия субъектов на окружающую социальную среду. Она имеет не просто отношение к поведению (коммуникации, взаимодействию, оказанию помощи и пр.), а к социальному по происхождению и по целям поведению, инициативному и преобразующему социальную реальность, включая и саму личность или группу, в результате чего появляется новое качество и того, и другого [24].

Социальная активность студентов является органичной формой их самовыражения, самореализации и, очевидно, становится основанием социального самоопределения [23]. Предшествующие работы затрагивают отдельные формы социальной активности студентов: волонтерской активности [14], досуговой [11], протестной [8; 31; 35], социально-преобразующей [9], гражданской, ин-

тернет-сетевой или киберактивности [17] и пр. Вместе с тем ряд исследований последнего десятилетия, проведенных в рамках социальной психологии, социологии и педагогики, убедительно доказывает полинаправленность социальной активности молодых людей [3; 4; 5; 13; 21; 26; 34]. Это качество отражает не только их поиски наилучшего способа жизнедеятельности, но и стремление к самореализации в широком диапазоне социальных ролей, что является собой социально-возрастную нормативную категорию. Исследователи отмечают, что социальная активность выступает важнейшей сферой социализации личности, средством формирования новых социальных компетенций [10; 12].

В последнее время исследования социальной активности студентов вышли на новый эмпирический уровень социально-психологического анализа. Это связано с их востребованностью для образовательной и социальной практики, а также необходимостью детального исследования социальной активности на разных уровнях социализации как явления, призванного сохранить связь личности с обществом на протяжении всего жизненного пути. Однако наиболее важным этапом для формирования основных предпочтений различных форм социальной активности является юношеский этап социализации [3] (И.В. Арендачук, 2018). Поэтому основные исследования сосредоточены именно на изучении социальной активности молодежи и в особенности студентов. Так, изучены формы социальной активности и их типология [34], личностные [5; 6; 7; 33] и психодинамические [22] пред-

кторы, динамика ценностно-смысловых характеристик активности [3], изучаются политическая [22; 32], интернет-сетевая [27; 36] формы активности в системе полнаправленной активности молодежи. Наконец, изучается «тонкая настройка» личностной регуляции социальной активности. В частности, эмпирически определена типология студентов, реализующих гражданскую активность (от индивидуальных действий в проблемной ситуации и принятия ответственности за их результат на себя до полного бездействия), и связь активности с моральными качествами [1], установлено, что социальная ответственность и гражданская активность выступают факторами формирования безопасного просоциального поведения [20], изучен компонентный состав социально-ориентированной активности и разработана методика диагностики компонентов [25], проанализированы компоненты социальной активности личности в ситуациях неопределенности и риска и доказано снижение активности в этих условиях [7], анализируется социальная активность с позиции автономной и внешней мотивации [28; 29]. Таким образом, исследования социальной активности молодежи вообще и студенческой в частности направлены на изучение личностно-регулятивных характеристик. Внимание уделяется не столько приверженности к активности, сколько ее детерминации и регуляции в процессуальном контексте. Поэтому важное значение придается ценностным, мировоззренческим, смысловым и нравственным характеристикам личности как регуляторам социальной активности. Однако социальная активность, как следует из приведенного выше определения, реализуется за счет исполнительской функции субъекта, хотя и направляется личностью.

Исследователи отмечают, что для эффективной регуляции поведения не-

обходимо взаимодействие субъектных и личностных характеристик [16]. Это значит, что личностные и субъектные характеристики (с определенного момента развития человека, достижения им личностной (социальной) зрелости), образуя единство командного и исполнительского звеньев поступка, составляют динамическую систему регуляции. В свете сказанного на первый план выходит проблема анализа активности человека со стороны личностно-типологических особенностей его субъектной регуляции.

Типология субъектной регуляции, разработанная Г.С. Прыгиным, включает три составляющие — автономный, зависимый и смешанный типы. Они отличаются разной степенью сформированности качеств личности как субъекта деятельности и системы субъектной регуляции [18, с. 12]. Главным отличительным признаком является опора на собственные знания, суждения, личностные качества и т.п. или на внешние обстоятельства или других. В рамках данного подхода проведены исследования, доказывающие согласованность двух видов регуляторов — «субъектных» и «диспозиционных» [19]. Для социально-психологического исследования в указанном ключе становится принципиальным вопрос о специфике социальной активности личности с автономным и зависимым типами субъектной регуляции.

В этом смысле тип субъектной регуляции поведения является одним из важнейших оснований для понимания его (поведения) определенности и его прогнозирования. Поэтому цель данного исследования заключается в изучении приверженности к социальной активности и ее различным формам в соотношении с характеристикой риска у студентов с разным типом субъектной регуляции поведения. Предполагается наличие

специфики в приверженности к различным формам поведения, компонентах социально-ориентированной активности, склонности к риску в зависимости от типа субъектной регуляции.

Задачи исследования:

1) проанализировать приверженность к разным формам социальной активности студентов в зависимости от типа их субъектной регуляции;

2) провести типологический анализ склонности к риску и переживания неопределенности у студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции;

3) провести структурное моделирование и определить прямые и косвенные эффекты автономии на общую и социально-ориентированную активность.

Метод

Выборка. В исследовании приняли участие 297 студентов дневной формы обучения (36% мужчин); место жительства до поступления на учебу в вуз: 11% студентов — село, 84% — город, 5% — мегаполис; 62% из семей со средним доходом для региона, по 15% выше и ниже среднего дохода, 4% с низким уровнем дохода и 2% с высоким уровнем дохода; треть (33,3%) выросли в семьях с единственным ребенком, 47% — с двумя, 17% — с тремя, 4% — с четырьмя или более.

Методика. Были использованы анкета, направленная на фиксацию социально-демографических характеристик, и разработанные шкалы, направленные на измерение приверженности к тому или иному виду социальной активности (размерность шкалы — 5 пунктов в соответствии со шкалой Лакерта): Альтруистическая деятельность (АА), Досуговая активность (ЛА); Социально-политиче-

ская активность (ПА); Интернет-сетевая активность (ИА); Гражданская активность (SV); Социально-экономическая активность (SE); Образовательно-развивающая активность (ЕА); Духовная активность (ЕА); Религиозная активность (РА); Протестная активность (PR); Радикально-протестная активность (RP); Субкультурная активность (SK). Каждая шкала представлена перечислением основных форм активности, относимых к данному виду. Шкалы разработаны на основе исследований представлений о социальной активности [24 и др.]. Все шкалы имеют приемлемый уровень надежности: α Cronbach=0,68-0,74.

Методика Социально-ориентированной активности [25] (Р.М. Шамянов, М.В. Григорьева) содержит 15 пунктов, оцениваемых по 7-балльной шкале. В результате заполнения опросника выводятся 4 компонентные шкалы (когнитивная, эмоционально-статусная, мотивационная и поведенческая) и одна обобщенная. В соответствии с методикой компоненты относятся лишь к социально-ориентированной активности, т.е. той, которая предполагает непротивопоставление сложившемуся социальному укладу, соответствие общепринятым «нормам» общественной активности, социальным инициативам, лидерству, организации деятельности и т.д. α Cronbach=0,73-0,79.

Для оценки склонности личности к риску использована методика «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» (М. Цуккерман) (в оригинале «Sensation seeking scale (SSS-V)»). Методика представляет собой сокращенный вариант Формы IV [37] опросника и включает 40 пунктов (по 10 пунктов по каждой шкале). В результате заполнения опросника выводятся 4 шкалы: ПООР — поиск острых

ощущений; шкала НО — непереносимость однообразия; шкала ПНВ — поисковых впечатлений; шкала НСТ — неадаптивное стремление к трудностям. α Cronbach=0,55, 0,71, 0,62, 0,61. Дополнительно внутренняя согласованность опросника проверялась с использованием корреляционного анализа.

Для оценки типов субъектной регуляции использован опросник «автономности-зависимости» (Г.С. Прыгин, 2009) [18]. Методика представляет собой опросник из 18 пунктов, предполагающий 4 варианта ответов («да», «пожалуй, да», «пожалуй, нет», «нет»). Оцениваются только совпадающие с ключом ответы. В результате заполнения опросника лица, получившие более 12 баллов, относятся к группе «автономных», ниже 8 баллов — «зависимых». Кроме того, показатель может использоваться как континуальный. α Cronbach=0,68.

Для обработки первичных данных применялась статистическая программа IBM SPSS Statistics + PS IMAGO PRO, включающая программу AMOS для проведения моделирования с помощью структурных уравнений.

Результаты

На первом этапе исследования нами выделены две крайние группы по уровню выраженности автономии [18] на основании вычисления среднего и стандартного отклонения ($M \pm SD$): лица с автономным ($N=71$) и с зависимым ($N=53$) типами субъектной регуляции. Далее проверялась гипотеза о влиянии типа субъектной саморегуляции на выраженность социальной активности с помощью однофакторного ANOVA.

В результате дисперсионного анализа выявлены четыре основных формы

активности, различия по которым связаны с типом саморегуляции. Это приверженность к досуговой активности (включая путешествия, походы в театры, кино; просмотр передач и видео по ТВ или на YouTube; знакомство с источниками развлекательной информацией; компьютерные игры; отдых в обществе друзей, единомышленников, интересных людей и т.п.), социально-политической (участие в деятельности политической партии или объединения; участие в политических митингах, шествиях, акциях; в выборах в любом формате и других подобных формах политической активности), гражданской (участие в деятельности неполитических организаций, например, военно-исторические клубы реконструкции и т.п.; участие в деятельности, направленной на преобразование общества и выражение своей и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни: участие в митингах, акциях, шествиях (Первомай, Бессмертный полк и др.) и т.п.), протестной активности (участие в деятельности организаций или объединений протестной направленности; участие в митингах, шествиях, акциях протестной направленности; открытое выражение протестной позиции, в том числе и через средства коммуникации и интернет, призыв к протестным действиям и прочие формы активности, связанные с выражением протеста). Как тенденцию можно обозначить различия в группах по показателям образовательной активности ($p < 0,06$) и радикально-протестной активности ($p < 0,07$). Как видно из табл. 1, досуговая активность в выборке студентов является наиболее предпочтительной (вне зависимости от типа регуляции), а политическая, гражданская и протестная формы активности входят в число среднепредпочитаемых. Однако эти три формы от-

носятся к одному классу активности, которые, в отличие от других форм, имеют возрастные ограничения (в частности, связанные с избирательными правами, гражданским участием и т.п.).

Обратимся к данным, отражающим выраженность компонентов и общего показателя социально-ориентированной активности студентов. Как видно из табл. 1,

показатели когнитивного, эмоционально-статусного и поведенческого компонентов социально-ориентированной активности, а также обобщенный показатель студентов с автономным типом СР значимо превышают показатели студентов с зависимым типом СР. Это значит, что тип субъектной регуляции влияет на выраженность социально-ориентированной

Таблица 1

Общие статистики по формам активности, компонентам и обобщенному показателю социально-ориентированной активности и показатели критерия Фишера (независимая переменная – автономный-зависимый тип субъектной регуляции)

Параметры	Средние, выборка N=297	SD	Средние, зависимый тип СР N=53	SD	Средние, автономный тип СР N=71	SD	F	Знч.
AA	2,40	1,18	2,59	1,31	2,49	1,13	1,52	0,15
LA	3,96	1,03	3,83	1,10	4,27	0,86	2,08	0,04
PA	1,71	0,94	1,77	0,89	1,85	0,97	2,53	0,01
IA	2,97	1,31	3,34	1,25	2,83	1,26	1,74	0,09
SV	1,85	1,08	1,79	1,10	1,97	0,97	4,10	0,00
SE	2,71	1,37	2,59	1,34	3,03	1,45	1,58	0,13
EA	2,68	1,27	2,66	1,18	3,11	1,28	1,87	0,06
EX	2,53	1,28	2,57	1,28	2,63	1,42	0,92	0,51
RA	1,55	0,95	1,79	1,13	1,55	1,01	0,73	0,68
PrA	1,45	0,88	1,68	1,03	1,30	0,73	4,22	0,00
RP	1,32	0,76	1,45	0,87	1,11	0,36	1,83	0,07
SK	1,41	0,92	1,47	0,97	1,38	0,99	1,31	0,24
KCOA	5,03	1,06	4,67	1,17	5,47	0,84	4,51	0,00
ЭCOA	4,48	1,16	4,07	1,14	4,99	1,06	4,64	0,00
MCOA	4,60	1,07	4,66	1,03	4,72	1,05	1,50	0,16
PCOA	5,02	1,01	4,84	0,99	5,18	0,96	3,01	0,00
SocActiv	19,13	3,41	18,24	3,45	20,36	3,01	3,91	0,00

Условные обозначения. AA – альтруистическая деятельность, LA – досуговая активность, PA – социально-политическая активность, IA – интернет-сетевая активность, SV – гражданская активность, SE – социально-экономическая активность, EA – образовательно-развивающая активность, EX – духовная активность, RA – религиозная активность, PR – протестная активность, RP – радикально-протестная активность, SK – субкультурная активность, GSA – общая разнонаправленная активность.

активности и трех ее компонентов. Отсутствие различий выраженности мотивационного компонента свидетельствует о том, что сила мотивации может быть одинаковой, но представления об активности, эмоциональное приятие ее, а также реализация активности могут отличаться в значительной степени в зависимости от выраженности автономного или зависимого типов субъектной регуляции.

Обратимся к данным дисперсионного анализа с введением в качестве зависимых переменных переживания чувства неопределенности и характеристик склонности к риску (табл. 2).

Как видно из табл. 2, лица с автономным типом субъектной регуляции обладают более высокими показателями неадаптивного стремления к трудностям, характеризующегося склонностью к преодолению трудностей, смелостью, стремлением добиваться своих целей. Лица с зависимым типом субъектной регуляции характеризуются более высокими показателями поиска новых впечатлений и переживания неопределенности, что говорит об их склонности к риску, связанной со стремлением к новым впечатлениям, познанием нового и необычного.

Поиск острых ощущений и непереносимость однообразия не зависят от отнесенности личности к тому или иному типу субъектной регуляции.

Эти результаты позволяют предположить перспективность моделирования с помощью метода структурных уравнений. Поэтому на следующем этапе нами предпринята попытка построить структурную модель, включающую континуальный показатель автономной субъектной регуляции, общий показатель активности и социально-ориентированной активности, показатели склонности к риску и переживания неопределенности. Ее размерности (табл. 3) показывают приемлемый результат, все ковариации, дисперсии экзогенных переменных статистически достоверны. Объем выборки в анализируемом случае достаточен, но требование многомерной нормальности не выполнено, поэтому нами применен допустимый в таких случаях метод, свободный от распределения (Asymptotically distribution-free) [15].

В качестве экзогенной переменной в данной модели (см. рисунок) выступает переменная возраста. Она оказывает влияние на склонность к риску и общую

Таблица 2

Общие статистики по шкалам склонности к риску и переживания неопределенности и показатели критерия Фишера (независимая переменная – автономный-зависимый тип субъектной регуляции)

	Среднее, зависимый тип CP N=53	SD	Среднее, автономный тип CP N=71	SD	F	Знч.
R1	5,36	2,04	4,90	2,30	1,32	0,253
R2	4,66	4,57	3,93	1,63	1,56	0,215
R3	4,19	1,83	3,44	1,67	5,67	0,019
R4	3,11	1,83	3,96	2,09	5,52	0,02
Confusion	2,96	1,26	2,16	1,12	14,26	0

Условные обозначения. R1 – поиск острых ощущений; R2 – непереносимость однообразия; R3 – поиск новых впечатлений; R4 – неадаптивное стремление к трудностям; Confusion – переживание неопределенности.

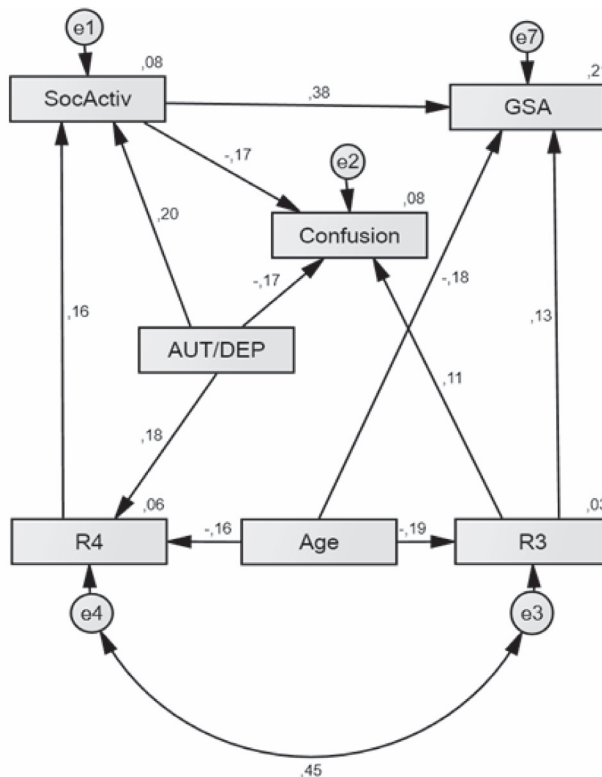
активность студентов. Прямой эффект возраста на риск и общую активность отрицателен. Из представленной модели видно, что автономная регуляция субъекта оказывает влияние на вариации

неадаптивного стремления к трудностям, социально-ориентированной активности и переживание неопределенности. Совокупный вклад стремления к трудностям и автономной регуляции в

Таблица 3

Структурная модель. Пригодность размеров индексов

Модели	X ²	df	p	CFI	AGFI	GFI	RMSEA
Первичная	13,457	10	0,199	0,983	0,765	0,988	0,034
Модифицированная	10,798	9	0,290	0,991	0,969	0,990	0,026

CMIN=10,798; df=9; p=.290;
CFI=.991; AGFI=.969; GFI=.990; RMSEA=.026; PCLOSE=.758

Рис. Модель путей (экзогенные переменные – возраст и тип саморегуляции): R3 – поиск новых впечатлений; R4 – неадаптивное стремление к трудностям; Confusion – переживание неопределенности; SocActiv – социально-ориентированная активность; GSA – общая разнонаправленная активность; AUT/DEP – континуальный показатель субъектной регуляции

вариации социально-ориентированной активности составляет 8%, совокупный вклад социально-ориентированной активности, возраста и поиска новых впечатлений в вариации общей активности составляет 21%. Важным в этой модели является также и то, что переживание неопределенности является зависимым от системы субъектной регуляции, социально-ориентированной активности и поиска новых впечатлений. Из представленной модели видно, что переменные готовности к риску (R3 и R4) являются медиаторами прямого влияния возраста на общую активность и автономии на социально-ориентированную активность.

Обсуждение результатов

Сравнительный (дисперсионный) анализ приверженности к различным формам активности лиц с различными типами субъектной регуляции позволил установить значимые различия, характеризующие более выраженную приверженность к досуговой активности, социально-политической, гражданской активности лиц с автономным типом СР и к протестной активности лиц с зависимым типом СР. Кроме того, имеется тенденция к более выраженной образовательной активности у первых и к радикально-протестной активности — у вторых, хотя общий уровень приверженности и у тех, и у других значимо выше в отношении к образовательной активности. В остальных случаях показатели свидетельствуют в пользу сходства их выраженности. Эти данные говорят о том, что лица, склонные к самостоятельности в действиях и поступках, способные к критической оценке своих действий, планированию своей жизни и соотносящие риски своей активности с

точки зрения не только релевантности действующим законам, но и часто скрытым, негласным правилам и нормам социального поведения, значимо более привержены к распространенной среди студенчества досуговой активности, менее распространённой социально-политической и гражданской, но менее привержены к протестной активности. Имеется также тенденция к склонности к образовательной активности и отказу от участия в радикально-протестных акциях. Иначе говоря, нормативная социально-политическая активность, реализация различных видов досуга студентов подчинены их субъектно-регулятивной системе. Это говорит о том, что личностная зрелость студентов, сформированная система субъектной регуляции двигают их в направлении к активности, которая соответствует стремлению включиться во взрослые виды деятельности, *самостоятельно определяя степень этого участия*. Такие данные согласуются с результатами исследований, проведенных на другой выборке, где установлены взаимосвязи с волевыми характеристиками личности. Так, образовательная, досуговая активность связаны с инициативностью, решительностью, выдержкой и другими характеристиками [26]. Иначе говоря, характеристики личности студентов как субъектов деятельности являются предпосылками приверженности к данным формам активности. Исходя из полученных данных можно также предположить, что склонность к политическому протесту, а тем более к радикально-политическому протесту связана с зависимым типом субъектной регуляции личности студентов. Это значит, что их приверженность к такого рода активности связана с выявленным исследователями «режимом внешней детерминации личностной активности» [8, с. 90].

В исследовании М.А. Кленовой также установлено, что испытуемые с высокой протестной (радикально-протестной) активностью проявляют склонность к зависимости [32]. Несмотря на то, что мы не обладаем подобными данными зарубежных исследований, можно предположить наличие общей тенденции, поскольку личность с зависимой регуляцией, скорее, предпочтет влиться в некое течение, нежели стремиться к самостоятельному достижению каких-либо целей. Кроме того, в российской провинции самостоятельная радикально-протестная активность ассоциируется, скорее, с маргинальностью. Вместе с тем можно предположить, что в среде студенческой молодежи имеется потенциал радикально-протестной активности в случае ее легитимизации.

Анализ компонентов и обобщенного показателя социально-ориентированной активности в зависимости от типа субъектной регуляции отражает те же тенденции. Тип субъектной саморегуляции обуславливает приверженность к социально-ориентированной активности и выраженность ее компонентов. Когнитивный, эмоционально-статусный и поведенческий компоненты значимо более выражены у студентов с автономным типом СР; мотивационный компонент одинаково выражен. Данные результаты свидетельствуют в пользу того, что, несмотря на практически одинаковую силу мотивации, более весомая приверженность к социально-ориентированной активности лиц с автономным типом СР достигается за счет более отчетливого понимания и осознания своего участия в ней, эмоционального принятия, наконец, реальных действий, предпринимаемых в пользу этой активности. Поскольку ранее нами была установлена прямая связь между соци-

ально-ориентированной активностью и приверженностью к альтруистической, социально-политической и гражданской активностям [25], такое положение не кажется случайным. Это значит, что субъектно-развитая студенческая молодежь, характеризующаяся способностью к самостоятельным решениям и критической оценке ситуации, стремящаяся к рефлексивной оценке ситуации, в данный период своей жизни предпочитает социальную активность как стремление к лидерству, к новому опыту в условиях студенческого самоуправления, характеризующую ее способность принимать решения самостоятельно и рационально. Привлечение к социально-ориентированной (которая является, очевидно, ведущей в студенческом возрасте) активности студентов с автономным типом саморегуляции является для них органичным, чего нельзя сказать в отношении студентов с зависимым типом субъектной регуляции.

По шкалам склонности к риску получены неоднозначные результаты. Во-первых, не выявлены существенные различия по шкалам «поиск острых ощущений» и «непереносимость однообразия», характеризующим склонность к экстремальным занятиям, связанным с риском для жизни, и к переменам у лиц, отнесенных к тому или ному типу субъектной регуляции. Во-вторых, противоположные по уровню показатели выявлены по шкалам неадаптивного стремления к трудностям, поиска новых впечатлений и переживания неопределенности. Вместе с тем эти результаты становятся ясными в свете их отнесенности к разным способам бытия (с разным типом регуляции). Лица с автономным типом регуляции характеризуются стремлением к самостоятельному и ответственному дости-

жению своих целей [18]. Это не значит, что они избегают риска; их рискованность связана с преодолением трудностей, смелостью, предпочтением такой стратегии жизни, в которой они сами добиваются своих целей. Лица с зависимым типом субъектной регуляции характеризуются более сильным переживанием неопределенности в своей жизни, что, очевидно, связано с тем, что они полагаются не на свои решения, а на внешние источники, неконтролируемые ими. Более высокие показатели поиска новых впечатлений свидетельствуют об их склонности к риску, связанной со стремлением к новым впечатлениям, познанием нового и необычного. Таким образом, лица и с автономной, и с зависимой саморегуляцией обладают своей спецификой склонности к риску. Только эта склонность связана с разными стратегиями жизни, с разными типами субъектной позиции.

Моделирование с помощью SEM позволило установить прямые и косвенные эффекты автономии на вариации социальной активности. В качестве экзогенной переменной в данной модели также выступает переменная возраста. Она однозначно оказывает влияние на переменные риска и общей активности. Такая картина вполне предсказуема, поскольку в ряде исследований показано, что склонность к риску коррелирует с возрастом (отрицательно) [2; 7]. Из модели также следует совместное влияние возраста, социально-ориентированной активности и неадаптивного стремления к трудностям на общую активность, составляющую до 21% ее вариаций, что частично согласуется с результатами ранее проведенных исследований, где показано, что возраст является сильным предиктором социальной активности [33], а социально-ориентированная

активность вносит значительный вклад в общую активность личности (особенно в такие ее формы, как волонтерская, образовательная, социально-политическая и экономическая) [25]. Прямое влияние автономности совместно с поиском новых впечатлений на социально-ориентированную активность охватывает до 8% ее вариаций. Установлен эффект совместного влияния автономности, социально-ориентированной активности и поиска новых впечатлений на степень переживания неопределенности (8%).

Из представленной модели видно, что кроме прямых имеются косвенные эффекты. Так, неадаптивное стремление к трудностям является медиатором влияния автономии на социально-ориентированную активность, ослабляя прямую причинную связь, а поиск новых впечатлений является медиатором влияния возраста на общую активность и медиатором влияния возраста на переживание неопределенности. Социально-ориентированная активность, в свою очередь, является медиатором прямой причинной связи между автономией и переживанием неопределенности. Таким образом, из данной модели следует, что показатели риска занимают важное место в детерминации социально-ориентированной и общей активности студентов как переменные, опосредующие прямую связь переменных возраста и автономной стратегии субъектной регуляции. Весьма важной в этой модели также является переменная переживания неопределенности, которую можно рассматривать как своеобразный результат стечения ряда обстоятельств: зависимой стратегии субъектной регуляции, поиска новых впечатлений, связанного с риском, и отказа от социально-ориентированной активности.

По нашему предположению, для такого расклада должны быть основания в виде определенных ценностных ориентаций, что требует дополнительного уточняющего исследования.

Заключение

Изучение социальной активности и склонности к риску у студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции необходимо с точки зрения анализа и прогнозирования специфики приверженности студентов к определенной форме активности в зависимости от типа регуляции в условиях их групповой реализации, а также с точки зрения определения их статуса в отношении к риску. Из проведенного исследования следует, что не только имеются предпочтения определенных видов риска, но и риск сам по себе является важным с точки зрения реализации активности в той или иной форме. Понимание сходства и различий приверженности личности к формам социальной активности, а также склонности к риску в зависимости от типа ее субъектной регуляции позволит осуществить риск-менеджмент социальной активности, прогнозировать возможные варианты и направления взаимодействия студенческой молодежи в различных ситуациях внутри социальной группы и с другими социальными субъектами. В результате исследований можно сделать несколько выводов:

1. Студенты с автономным типом субъектной регуляции, в отличие от студентов с зависимым типом, в большей степени привержены к социально-конгруэнтным формам активности (приверженность к досуговой, социаль-

но-политической, гражданской активности). Вместе с тем студенты с зависимым типом субъектной регуляции более привержены к протестной активности, хотя общий уровень ее выраженности и у тех, и у других находится на низших позициях.

2. Социально-ориентированная активность более привлекательна для студентов с автономным типом субъектной регуляции. Когнитивный, эмоционально-статусный и поведенческий ее компоненты более выражены у автономных, а показатели мотивационного компонента индифферентны к типу саморегуляции.

3. Автономные и зависимые по типу субъектной регуляции характеризуются спецификой проявлений стремления к риску. Лица с автономным типом субъектной регуляции характеризуются более высокими показателями неадаптивного стремления к трудностям, характеризующегося склонностью к преодолению трудностей, а с зависимым типом — более высокими показателями поиска новых впечатлений и переживания неопределенности. Поиск острых ощущений и непереносимость однообразия недифференцированы в двух выборках.

4. В результате структурного моделирования установлены место и роль типа субъектной регуляции и характеристик склонности к риску в вариациях социально-ориентированной и общей активности студентов. Континуальный показатель субъектной регуляции оказывает прямое влияние на вариации социально-ориентированной активности, а показатели склонности к риску являются медиаторами прямой причинной связи автономности с социально-ориентированной активностью и возраста с общей активностью студентов соответственно.

Литература

1. *Акимова М.К., Галстян О.А.* Типология социальной активности молодежи в зависимости от принятия нравственных нормативов // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 51–61.
2. *Арендачук И.В.* Акмеологическая компетентность личности как фактор психологической готовности к риску // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 2. С. 103–110.
3. *Арендачук И.В.* Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 287–307. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307
4. *Балабанова Е.С.* Социально-психологический подход к исследованию социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 210–223. DOI:10.17805/zpu.2018.3.19
5. *Бочарова Е.Е.* Культурно-исторические факторы детерминации направленности социальной активности молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. Вып. 4(32). С. 348–361. DOI:10.18500/2304-9790-2019-8-4-348-361
6. *Бочарова Е.Е.* Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 4(28). С. 333–345. DOI:10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345
7. *Григорьева М.В.* Компоненты социальной активности личности в ситуациях неопределенности и риска [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2019 № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PSMN419.pdf>
8. *Гусейнов А.Ш., Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю., Шиповская В.В.* Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 78–96. DOI:10.21702/грj.2017.4.4
9. *Еремينا Л.И.* Соотношение креативности и социальной активности студентов в социально-преобразующей деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 2. С. 155–159.
10. *Киселёва Т.Г.* Рефлексивно-аксиологический подход к формированию социальной одаренности и социальной активности подростков и молодежи // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. Т. 20. № 2. С. 136–141.
11. *Климова Т.В., Савченко В.С.* Влияние досуговой деятельности на социальную активность студентов // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 56. С. 69–74.
12. *Кудинов С.С.* Социальная активность как основа самореализации личности // Акмеология. 2014. № 1–2. С. 124–125.
13. *Мохнаткина К.В.* Корреляционный анализ влияния депривации на социальную активность россиян // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 55–59. DOI:10.18500/1818-9601-2018-18-1-55-59
14. *Мустафина Д.Б.* Формирование активной социальной позиции молодежи через волонтерскую деятельность как одного из видов социальной активности // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2015. № 6-2. С. 34–36.
15. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2004. 392 с.
16. *Павлова Н.С., Сериевко Е.А.* Субъектная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 43–56.
17. *Пилишвили Т.С., Минаева А.Ю.* Активность личности в социальных сетях и становление субъектности в информационном мире // Акмеология. 2016. № 1(57). С. 84–88.

18. *Прыгин Г.С.* Психология самостоятельности. Ижевск, Наб. Челны: Изд-во Института управления, 2009. 304 с.
19. *Прыгин Г.С., Каюмов А.Т.* Проявление социальных установок: «альтруизм-эгоизм», «процесс-результат», «свобода-власть», «труд-деньги» у автономных и зависимых студентов (гендерный аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 2. С. 196–202.
20. *Савченко Д.В., Кисляков П.А., Белякова Н.В.* Социальная ответственность и гражданская активность как факторы формирования безопасного просоциального поведения // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 4. С. 60–64.
21. *Троцук И.В., Сохадзе К.Г.* Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 4. С. 58–73.
22. *Усова Н.В.* Психодинамические предикторы направленности социальной активности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 3. С. 95–100. DOI:10.34216/2073-1426-2019-25-3-95-100
23. *Чернышев А.С., Сарычев С.В.* Секция «Социальное самоопределение и социальная активность: психологические проблемы молодежной политики» // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 112–113.
24. *Шамионов Р.М.* Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394
25. *Шамионов Р.М., Григорьева М.В.* Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. С. 26–41. DOI:10.17223/17267080/74/2
26. *Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Григорьев А.В.* Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 18–34. DOI:10.17759/sps.2019100102
27. *Шаров А.А.* Девиантная активность молодежи: особенности и механизм переноса из реальной среды в виртуальную // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 28. С. 103–109. DOI:10.26516/2304-1226.2019.28.103
28. *Ferguson R., Gutberg J., Schattke K., Paulin M., Jost N.* Self-determination theory, social media and charitable causes: An in-depth analysis of autonomous motivation // European journal of social psychology. 2015. Vol. 45(3). P. 298–307. DOI:10.1002/ejsp.2038
29. *Hardy S.A., Dollahite D.C., Johnson N., Christensen J.B.* Adolescent Motivations to Engage in Pro-Social Behaviors and Abstain From Health-Risk Behaviors: A Self-Determination Theory Approach // Journal of personality. 2015. Vol. 83(5). P. 479–490. DOI:10.1111/jopy.12123
30. *Johnston M.M., Finney S.J.* Measuring basic needs satisfaction: Evaluating previous research and conducting new psychometric evaluations of the Basic Needs Satisfaction in General Scale // Contemporary Educational Psychology. 2010. Vol. 35. P. 280–290. DOI:10.1016/j.cedpsych.2010.04.003
31. *Jost J.T., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J.A.* How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks // Political psychology. 2018. Vol. 39(1). P. 85–118. DOI:10.1111/pops.12478
32. *Klenova M.A.* Social and political activity of youth: the content and social and psychological characteristics // SHS Web Conf. Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019). 2019. Vol. 70. P. 06003. DOI:10.1051/shsconf/20197006003
33. *Shamionov R.M.* Socio-psychological factors of preferences regarding socio-economic and socio-political activity of the Russian provincial youth // Helix. 2019. Vol. 9(1). P. 4813–4817. DOI:10.29042/2019-4813-4817

34. *Shamionov R.M., Grigoryeva M.V., Grigoryev A.V.* World Assumptions and Youth Identity as Predictors of Social Activity Preferences // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2019. Vol. 12(2). P. 115–133. DOI:10.11621/pir.2019.0209
35. *Shiratuuddin N., Hassan S., Mohd Sani M.A., Ahmad M.K., Khalid K.A., Abdull Rahman N.L., Ahmad N.S.Y.* Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings. *Pertanika // Journal of Social Sciences and Humanities*. 2017. Vol. 25. P. 1–19.
36. *Zagranichniy A.* Study of the correlation of factors affecting frequency of social activity transfer from virtual environment to real-world environment and vice versa // *SHS Web Conf. Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019)* (22 November 2019). 2019. Vol. 70. P. 08046(5). DOI:10.1051/shsconf/20197008046
37. *Zuckerman M.* *Sensation Seeking: Beyond the Optimal Level of Arousal*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1979. 449 p.

References

1. Akimova M.K., Galstyan O.A. Tipologiya sotsial'noi aktivnosti molodezhi v zavisimosti ot prinyatiya npravstvennykh normativov [Typology of social activity of young people depending on the adoption of moral standards]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2019, no. 3, pp. 51–61. (In Russ.).
2. Arendachuk I.V. Akmeologicheskaya kompetentnost' lichnosti kak faktor psikhologicheskoi gotovnosti k risku [Acmeological competence of a person as a factor of psychological readiness for risk]. *Izv. Sarat. Un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015. Vol. 4, no. 2, pp. 103–110. (In Russ.).
3. Arendachuk I.V. Dinamika tsennostno-smyslovykh kharakteristik sotsial'noi aktivnosti sovremennoi molodezhi [Dynamics of Value and Meaning Characteristics of Social Activity of Modern Youth]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 287–307. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307 (In Russ.).
4. Balabanova E.S. Sotsial'no-psikhologicheskii podkhod k issledovaniyu sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Socio-psychological approach to the study of social activity of youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2018, no. 3, pp. 210–223. DOI:10.17805/zpu.2018.3.19 (In Russ.).
5. Bocharova E.E. Kul'turno-istoricheskie faktory determinatsii napravlenosti sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Cultural and Historical Determination Factors for the Young People's Social Activity Direction]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019. Vol. 8, iss. 4 (32), pp. 348–361. DOI:10.18500/2304-9790-2019-8-4-348-361 (In Russ.).
6. Bocharova E.E. Regulyativnye i mirovozzrencheskie faktory razlichnykh form sotsial'noi aktivnosti molodezhi [Regulatory and Worldview Factors of Various Forms of Social Activity of Young People]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018. Vol. 7, iss. 4 (28), pp. 333–345. DOI:10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345 (In Russ.).
7. Grigor'eva M.V. Komponenty sotsial'noi aktivnosti lichnosti v situatsiyakh neopredelennosti i riska [Components of a person's social activity in situations of uncertainty and risk]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*, 2019. Vol. 4(7). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PSMN419.pdf>. (In Russ.).
8. Guseinov A.Sh., Ryabikina Z.I., Fomenko G.Yu., Shipovskaya V.V. Fenomen protestnoi aktivnosti lichnosti: sub"ektno-bytiinaya interpretatsiya [The Phenomenon of Protest Activity: A

- Subjective-Existential Interpretation]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2017. Vol. 14, no. 4, pp. 78–96. DOI:10.21702/rpj.2017.4.4 (In Russ.).
9. Eremina L.I. Sootnoshenie kreativnosti i sotsial'noi aktivnosti studentov v sotsial'no-preobrazuyushchei deyatelnosti [Correlation of creativity and social activity of students in the socio-reformative activity]. *Izv. Sarat. Un-ta. Nov. ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015. Vol. 4, no. 2, pp. 155–159. (In Russ.).
10. Kiseleva T.G. Refleksivno-aksiologicheskii podkhod k formirovaniyu sotsial'noi odarenosti i sotsial'noi aktivnosti podrostkov i molodezhi [Reflexive-axiological approach to the formation of social endowments and social activity of adolescents and youth]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova. Ser: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvnologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma state University. N. Nekrasov. Ser.: Pedagogics. Psychology. Social work. Juvenile. Sociokinetic*, 2014, Vol. 20, no. 2, pp. 136–141. (In Russ.).
11. Klimova T.V., Savchenko V.S. Vliyanie dosugovoi deyatelnosti na sotsial'nuyu aktivnost' studentov [Influence of leisure activities on social activity of students]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Amur state University. Series: Humanitarian Sciences*, 2012, no 56, pp. 69–74. (In Russ.).
12. Kudinov S.S. Sotsial'naya aktivnost' kak osnova samorealizatsii lichnosti [Social activity as the basis of self-identity]. *Akmeologiya = Acmeology*, 2014, no. S1-2, pp. 124–125. (In Russ.).
13. Mokhnatkina K.V. Korrelyatsionnyi analiz vliyaniya deprivatsii na sotsial'nuyu aktivnost' rossiyan [Correlation Analysis of the Impact of Deprivation on the Social Activity of Russians]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya = Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018. Vol. 18, iss. 1, pp. 55–59. DOI:10.18500/1818-9601-2018-18-1-55-59 (In Russ.).
14. Mustafina D.B. Formirovanie aktivnoi sotsial'noi pozitsii molodezhi cherez volonterskuyu deyatelnost' kak odnogo iz vidov sotsial'noi aktivnosti [Formation of an active social position of youth through volunteer activity as one of the types of social activity]. *Novaya nauka: Strategii i vektory razvitiya = New science: Strategies and vectors of development*, 2015, no. 6–2, pp. 34–36. (In Russ.).
15. Nasledov A.D. Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh [Mathematical methods of psychological research. Data analysis and interpretation]. Saint Petersburg: Rech, 2004. 392 p. (In Russ.).
16. Pavlova N.S., Sergienko E.A. Sub'ektnaya i lichnostnaya regulyatsiya povedeniya kak proyavlenie individual'nosti cheloveka [Subject and personal regulation of behavior as a manifestation of human individuality]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2016. Vol. 37, no. 2, pp. 43–56. (In Russ.).
17. Pilishvili T.S., Minaeva A.Yu. Aktivnost' lichnosti v sotsial'nykh setyakh i stanovlenie sub'ektnosti v informatsionnom mire [Activity of personality in social networks and the development of subjectivity in the information world]. *Akmeologiya = Acmeology*, 2016. Vol. 1, no. 57, pp. 84–88. (In Russ.).
18. Prygin G.S. Psikhologiya samostoyatel'nosti [Psychology of independence]. Izhevsk, Nab. Chelny: Publ. Instituta upravleniya, 2009. 304 p. (In Russ.).
19. Prygin G.S., Kayumov A.T. Proyavlenie sotsial'nykh ustanovok: «al'truizm-egoizm», «protsess-rezultat», «svoboda-vlast'», «trud-den'gi» u avtonomnykh i zavisimykh studentov (gendernyi aspekt) [Manifestation of social attitudes: “altruism-egoism”, “process-result”, “freedom-power”, “labor-money” in Autonomous and dependent students (gender aspect)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Bulletin of Udmurt University. The Series Of Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017. Vol. 27, no. 2, pp. 196–202. (In Russ.).
20. Savchenko D.V., Kislyakov P.A., Belyakova N.V. Sotsial'naya otvetstvennost' i grazhdanskaya aktivnost' kak faktory formirovaniya bezopasnogo prosotsial'nogo povedeniya [Social responsibility

- and civic engagement as factors of formation of safe prosocial behavior]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of the Kostroma state University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociogenetic*, 2019. Vol. 25, no. 4, pp. 60–64. (In Russ.).
21. Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Sotsial'naya aktivnost' molodezhi: podkhody k otsenke form, motivov i faktorov proyavleniya v sovremennom rossiiskom obshchestve [Social activity of youth: approaches to assessing forms, motives and factors of manifestation in modern Russian society]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya = Vestnik RUDN. Sociology Series*, 2014, no. 4, pp. 58–73. (In Russ.).
22. Usova N.V. Psikhodinamicheskie prediktory napravlenosti sotsial'noi aktivnosti [Psychodynamic predictors of social activity]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma state university. Ser.: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2019. Vol. 3, pp. 95–100. DOI:10.34216/2073-1426-2019-25-3-95-100 (In Russ.).
23. Chernyshev A.S., Sarychev S.V. Sektsiya «Sotsial'noe samoopredelenie i sotsial'naya aktivnost': psikhologicheskie problemy molodezhnoi politiki» [Section “social self-determination and social activity: psychological problems of youth policy]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2011. Vol. 32(5), pp. 112–113. (In Russ.).
24. Shamionov R.M. Sotsial'naya aktivnost' lichnosti i gruppy: opredelenie, struktura i mekhanizmy [Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018. Vol. 15(4), pp. 379–394. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394 (In Russ.).
25. Shamionov R.M., Grigor'eva M.V. Metodika diagnostiki komponentov sotsial'no-orientirovannoi aktivnosti [Technique for Diagnostic Assessment of Socially-Oriented Activity Components]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian journal of psychology*, 2019. Vol. 74, pp. 26–41. DOI:10.17223/17267080/74/2 (In Russ.).
26. Shamionov R.M., Grigor'eva M.V., Grigor'ev A.V. Volevye kachestva kak prediktory znachimosti sotsial'noi aktivnosti studentov [Volitional qualities as predictors of the importance of social activity of students]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 18–34. DOI:10.17759/sps.2019100102 (In Russ.).
27. Sharov A.A. Deviantnaya aktivnost' molodezhi: osobennosti i mekhanizm perenosa iz real'noi sredy v virtual'nyu [Deviant Behavior of Young People: Some Aspects and Mechanism of Transfer from Real to Virtual Settings]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2019. Vol. 28, pp. 103–109. DOI:10.26516/2304-1226.2019.28.103 (In Russ.).
28. Ferguson R., Gutberg J., Schattke K., Paulin M., Jost N. Self-determination theory, social media and charitable causes: An in-depth analysis of autonomous motivation. *European journal of social psychology*, 2015. Vol. 45(3), pp. 298–307. DOI:10.1002/ejsp.2038
29. Hardy S.A., Dollahite D.C., Johnson N., Christensen J.B. Adolescent Motivations to Engage in Pro-Social Behaviors and Abstain From Health-Risk Behaviors: A Self-Determination Theory Approach. *Journal of personality*, 2015. Vol. 83(5), pp. 479–490. DOI:10.1111/jopy.12123
30. Johnston M.M., Finney S.J. Measuring basic needs satisfaction: Evaluating previous research and conducting new psychometric evaluations of the Basic Needs Satisfaction in General Scale. *Contemporary Educational Psychology*, 2010. Vol. 35, pp. 280–290. DOI:10.1016/j.cedpsych.2010.04.003
31. Jost J.T., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J.A. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Political psychology*, 2018. Vol. 39(1), pp. 85–118. DOI:10.1111/pops.12478
32. Klenova M.A. Social and political activity of youth: the content and social and psychological characteristics. SHS Web Conf. *Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in*

the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019), 2019. Vol. 70, pp. 06003. DOI:10.1051/shsconf/20197006003

33. Shamionov R.M. Socio-psychological factors of preferences regarding socio-economic and socio-political activity of the Russian provincial youth. *Helix*, 2019. Vol. 9(1), pp. 4813–4817. DOI:10.29042/2019-4813-4817

34. Shamionov R.M., Grigoryeva M.V., Grigoryev A.V. World Assumptions and Youth Identity as Predictors of Social Activity Preferences. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2019. Vol. 12(2), pp. 115–133. DOI:10.11621/pir.2019.0209

35. Shiratuddin N., Hassan S., Mohd Sani M.A., Ahmad M.K., Khalid K.A., Abdull Rahman N.L., Ahmad N.S.Y. Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings. *Pertanika. Journal of Social Sciences and Humanities*, 2017. Vol. 25, pp. 1–19.

36. Zagranchniy A. Study of the correlation of factors affecting frequency of social activity transfer from virtual environment to real-world environment and vice versa. SHS Web Conf. *Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019)* (22 November 2019), 2019. Vol. 70, pp. 08046(5). DOI:10.1051/shsconf/20197008046

37. Zuckerman M. *Sensation Seeking: Beyond the Optimal Level of Arousal*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1979. 449 p.

Информация об авторах

Шамионов Раиль Муширович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Information about the authors

Rail M. Shamionov, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University (SSU), Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Получена 19.02.2020

Принята в печать 20.01.2021

Received 19.02.2020

Accepted 20.01.2021